

Научная статья
УДК 343.103
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-86-91>

Институт привлечения в качестве обвиняемого по УПК Республики Беларусь и УПК Российской Федерации: к вопросу о сходствах и различиях

Лапатников Максим Владимирович

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, maks4@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-правовому анализу одного из ключевых институтов уголовно-процессуального права в Республике Беларусь и Российской Федерации с позиций тождества и различия. Автором дана оценка места обвинения в системе признаков типовой принадлежности уголовно-процессуальных моделей обеих стран.

Ключевые слова: обвинение, предварительное следствие; дознание

Для цитирования: Лапатников М. В. Институт привлечения в качестве обвиняемого по УПК Республики Беларусь и УПК Российской Федерации: к вопросу о сходствах и различиях // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 86–91. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-86-91>.

Original article

The Institution of involvement as an accused under the Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: on the issue of similarities and differences

Maksim V. Lapatnikov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, maks4@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a comparative legal analysis of one of the key institutions of criminal procedure law in the Russian Federation and the Republic of Belarus from the standpoint of identity and difference. The author also gives an assessment of the place of the charge in the system of characteristics of the typical criminal procedure models of both countries.

Keywords: accusation, preliminary investigation; inquiry

For citation: Lapatnikov M. V. The Institution of involvement as an accused under the Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: on the issue of similarities and differences. *Legal science and practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2 (66), pp. 86–91. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-86-91>.

© Лапатников М. В., 2024

Вряд ли в уголовно-процессуальном праве можно выделить несущественные институты, однако два из них имеют поистине ключевое значение – это доказывание и обвинение. Первому традиционно и заслуженно почти всегда уделяется большое внимание, а вот второе, как думается, незаслуженно таким вниманием обделено, между тем обвиняемый – центральная фигура в уголовном процессе, именно его появление запускает полноценный механизм привлечения к уголовной ответственности. Именно посредством предъявления обвинения обвинительная власть ставит перед судебной властью основной вопрос уголовного процесса. Правосудие же, вершимое судом, можно квалифицировать как ответ суда на вопрос субъектов уголовного преследования о доказанности / недоказанности обвинения. Да и в дальнейшем, когда, казалось бы, вынесено итоговое решение, разрешающее этот самый вопрос по существу, в основе осуждения либо оправдания лежит обвинение, которое и далее в случае обжалования в большинстве случаев будет определять параметры апелляционной / кассационной проверки. В этой связи можно утверждать, что, начиная со своего появления на стадии предварительного расследования, обвинение во многом предопределяет ход, направленность и предмет судебных стадий уголовного процесса.

Кроме того, не следует забывать, что обвинение тесно связано с привлечением к уголовной ответственности. И в Российской Федерации, и в Республике Беларусь лицо считается привлеченным к уголовной ответственности с момента предъявления обвинения, так как, согласно доминирующей точке зрения в доктрине, данное решение сопрягается с началом реализации правовой обязанности лица, совершившего преступление, понести эту самую ответственность. Действующее нормативное регулирование также поддерживает такой подход, так как и в уголовном, и в уголовно-процессуальном законах мы можем обнаружить нормы, подтверждающие, что именно органы предварительного расследования привлекают и освобождают лицо от уголовной ответственности (ст. 75–76.1, 299 Уголовного кодекса Российской Федерации; п. 2 ч. 1 ст. 154, п. 3 ч. 1 ст. 225, ст. 431, ч. 1 ст. 443 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)).

Укажем и на то, что привлечение лица в качестве обвиняемого выступает одним из признаков, определяющих типовую принадлежность модели уголовного процесса конкретной страны. В данном случае речь идет о следственном

или состязательном порядке организации обвинения. И хотя такая организация сама по себе еще не означает принадлежность типа процесса к следственному или состязательному, так как она должна оцениваться в совокупности с другими признаками, однако в указанном контексте этот фактор имеет значение.

В настоящей статье мы обратимся к анализу института обвинения Республики Беларусь, рассматривая его в соотношении с российским аналогом.

В Республике Беларусь в настоящее время действует Уголовно-процессуальный кодекс (далее — УПК РБ), принятый в 1999 году [1]. В статье 6 УПК РБ, посвященной исключительно процессуальной терминологии, обвинение определяется как утверждение о совершении определенным лицом конкретного общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом. Это определение практически слово в слово идентично российскому определению (п. 22 ст. 5 УПК РФ), если не считать стилистических, как нам представляется, отличий в термине, обозначающем преступление как предмет обвинения.

Указанное сущностное сходство дефиниций обвинения в обеих странах позволяет утверждать следующее: а) такое построение определения обвинения семантически отграничивает его от подозрения, что немаловажно; б) обвинение как утверждение должно быть сделано в определенном уголовно-процессуальном законе порядке, то есть в установленной данным уголовно-процессуальным законом процедуре и никак иначе; в) его предметом является преступление как общественно опасное деяние, запрещенное материальным уголовным законом под угрозой наказания.

Однако очевидно, что указанный анализ далеко не исчерпывает рассмотрение института обвинения, в связи с чем обратимся к понятию обвиняемого как участника уголовного процесса, так как его появление непосредственно завязано на выдвижении в отношении него обвинения.

В Российской Федерации обвиняемым признается лицо, в отношении которого обвинение вынесено (оформлено) тремя разновидностями процессуальных документов: постановлением о привлечении его в качестве обвиняемого, обвинительным актом, обвинительным постановлением (ч. 1 ст. 47 УПК РФ). Это объясняется особенностями дифференциации процессуальной формы предварительного расследования, а именно делением ее на предварительное следствие и дознание, а последнего, в свою

очередь, — на дознание в общем порядке и в сокращенной форме.

В Республике Беларусь обвиняемый обозначается как лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого (ч. 1 ст. 42 УПК РБ). И здесь мы встречаемся с достаточно существенной отличительной особенностью белорусского уголовного процесса. Как подтверждают данное определение, а также обращение к иным нормам белорусского уголовно-процессуального закона, порядок привлечения лица в качестве обвиняемого, судя по всему, предназначен только для предварительного следствия, что резко контрастирует не только с Российской Федерацией, но и с большинством иных постсоветских стран. Это, в общем-то, неудивительно, учитывая, что с 2011 года дознание в Республике Беларусь от полноценной формы расследования было сведено к первоначальному этапу предварительного следствия, так как в соответствии с законом лицо, производящее дознание по возбужденному уголовному делу, производит неотложные следственные и другие процессуальные действия для установления и закрепления следов преступления, после чего в срок не позднее 10 суток направляет дело следователю (ст. 186 УПК РБ). Вышеуказанное дает основание современным исследователям определять белорусское дознание как «...форму предварительного расследования уголовных дел, которая заключается в производстве неотложных следственных и других процессуальных действий для установления и закрепления следов преступления» [2, с. 113].

Однако, учитывая, что задачи дознания в этом контексте исчерпываются задачами закрепления следов преступления, полагаем, что в этом контексте дознание по УПК РБ не может выступать в качестве самостоятельной формы расследования, как в России, поэтому правы те специалисты, которые не видят в ней указанное правовое явление [3, с. 133]. Дознание здесь выступает как первоначальный, неотложный этап предварительного следствия, предназначение которого определяется задачами раскрытия преступления и незамедлительного закрепления его следов для дальнейшего их использования в доказывании.

Если отталкиваться от указанного предназначения дознания, то становится ясной логика белорусского законодателя, отказавшегося от внедрения так называемого дознавательско-прокурорского обвинения (для простоты

обозначим его как завершающего, так как оно предъявляется на этапе завершения дознания), подразумевающего предъявление обвинения на этапе окончания дознания буквально перед утверждением прокурором итогового документа данной формы расследования. Если предварительное следствие есть единственная и основополагающая форма расследования, то и обвинение должно выдвигаться в рамках данного режима и никак иначе. В Российской Федерации порядок предъявления обвинения выступает одним из отличий предварительного следствия от дознания, так как российский законодатель хоть и максимально сблизил следствие и дознание, но все же не пошел на полное их слияние, в связи с чем предусмотрел более облегченный порядок предъявления обвинения в ходе дознания как более простой формы досудебного производства.

Таким образом, нормативное переосмысление белорусским законодателем сущности и предназначения дознания естественным образом повлекло за собой отказ от процедуры надления лица статусом обвиняемого, хотя УПК РСФСР 1960 года в его последней редакции фактически предусматривал данные последствия при утверждении обвинительного заключения (ст. 124 УПК РСФСР). В этом смысле белорусский законодатель оказался более последователен и в чем-то радикален, чем законодатель советский и даже российский.

Если попытаться обобщить конфигурацию белорусского института привлечения лица в качестве обвиняемого (далее – ПвКО), то обращение к нормам, непосредственно регламентирующим указанную процедуру в УПК РБ (гл. 27), а также к иным нормам, тесно связанным с обвинением (п. 17 ст. 6, ст. 42 УПК РБ), позволяет сформулировать следующие наиболее существенные черты института обвинения по УПК РБ 1999 года:

1) порядок привлечения лица в качестве обвиняемого распространяется только на предварительное следствие. Кроме того, данная процедура применяется и по делам, расследуемым в порядке ускоренного производства (гл. 47 УПК РБ);

2) для привлечения лица в качестве обвиняемого лицо, осуществляющее уголовный процесс, должно вынести постановление о привлечении в качестве обвиняемого;

3) данный документ выносится следователем самостоятельно на любом этапе расследования после возбуждения уголовного дела, но до направления дела прокурору;

4) постановление о ПвКО должно быть мотивировано, предъявлено обвиняемому и его защитнику (если он участвует) в течение трех суток с момента его составления либо в день привода обвиняемого с разъяснением лицу его процессуальных прав и обязанностей и вручением копии постановления. Постановление также подлежит направлению прокурору;

5) на следователя возложена обязанность после предъявления постановления допросить обвиняемого;

6) следователь вправе в течение предварительного расследования при наличии соответствующих оснований изменить, дополнить или прекратить обвинение.

Оценивая институт обвинения обеих стран с позиции тождества, следует признать, что белорусский институт обвинения (гл. 27 УПК РБ) в значительной степени схож с российским порядком привлечения лица в качестве обвиняемого по делам, расследуемым в форме предварительного следствия (гл. 23 УПК РФ). Это неудивительно, учитывая, что матрицей обоих институтов служил советский аналогичный институт УПК РСФСР 1960 года.

Указанный факт свидетельствует как об определенной исторической преемственности, так и подчеркивает отказ от препарирования одной из ключевых уголовно-процессуальных процедур в состязательном контексте, что свойственно некоторым бывшим советским республикам, стремящимся не критично «как у них», и как можно больше отказаться от советского наследия.

На наш взгляд, такой подход укладывается в единый мировоззренческий тренд в уголовном процессе Республики Беларусь, заключающийся в отказе от ориентирования на принцип состязательности как на ключевое, системообразующее начало. Так, в УПК РБ мы можем найти лишь отдельные элементы этого принципа, как, например, правило о равенстве сторон в судебном заседании, институт судебного контроля и др., но говорить о нем как о системообразующем правовом явлении, судя по всему, не приходится.

Что касается соотношения обоих институтов в контексте существенных различий, то считаем, что в качестве таковых можно выделить следующее: во-первых, правило, обязывающее лицо, осуществляющее расследование, вынести мотивированное постановление о ПвКО; во-вторых, различие в детализации порядка вызова на допрос обвиняемого.

Выскажем соображения по поводу указанных различий. Уголовно-процессуальный закон Республики Беларусь требует приведения

в тексте постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого обоснования (мотивировки) принятого решения (ч. 1 ст. 240 УПК РБ). Считаем, что в принципе этот подход более соответствует идеалу правового государства и известной аксиоме о том, что в уголовном процессе мы знаем лишь то, что доказано. Хотя говорить о том, что в этом случае обвинение уже доказано, является преждевременным. Полагаем, что правило о мотивировке постановления о ПвКО носит, прежде всего, правозащитную направленность и укладывается в известный в процессуальной теории и практике подход «благоприятствования стороне защите (*favor defensionis*)», так как позволяет защите и прокурору в определенной степени проконтролировать доказанность обвинения уже на данном этапе. Другое дело, что при отсутствии общепринятых стандартов доказывания при предъявлении обвинения оно предоставляет правоприменителю возможность крайне широкого усмотрения при решении вопроса о том, что именно и каким образом указать в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого. Это в определенной степени нивелирует данную гарантию. Однако это лучше, чем ничего, и в данном смысле мы считаем отсутствие требования о мотивировке постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, как это реализовано в Российской Федерации, неадекватным с правозащитной точки зрения.

Следующее существенное отличие связано с более детальной регламентацией процедур обвиняемого на допрос по предъявленному обвинению. Белорусский уголовно-процессуальный закон более детально регламентирует данный вопрос, что мы оцениваем положительно (ст. 242 УПК РБ). Несмотря на то, что во многом эти процедуры носят обеспечительный характер, мы исходим из того, что такой подход позволяет снять ряд проблемных на практике вопросов, связанных с извещением обвиняемого. Так, нельзя в положительном ключе не оценить правило, позволяющее использовать современные технические средства для извещения обвиняемого о необходимости его прибытия для предъявления обвинения (ч. 3 ст. 242 УПК РБ).

Несколько иная ситуация сложилась в Российской Федерации, где единственным легальным средством вызова обвиняемого для предъявления обвинения является повестка (ст. 188 УПК РФ), несмотря на то, что развитие и массовость технологических новшеств в настоящее время уже позволяют их использовать для выполнения указанной задачи путем

задействования смс-информирования, использования месенджеров и др. Для нас очевидно, что в цифровую эпоху повестка технически устарела и должна использоваться не как основное средство извещения, а как дополнительное в случае отсутствия соответствующих технических возможностей. И хотя в настоящее время ситуация несколько меняется, учитывая, что 25 декабря 2023 года были приняты изменения в УПК РФ, позволяющие направлять при наличии технической возможности повестку в форме электронного документа (ч. 6 ст. 474.2 УПК РФ) [4], говорить о коренном изменении законодательного подхода в данном случае пока преждевременно.

Особенно следует выделить установленный законодателем перечень причин, признающихся уважительными для неявки по вызову (ч. 5 ст. 242 УПК РФ), где определено три конкретные уважительные причины для законной неявки по вызову обвиняемого на допрос, что гораздо более проясняет для правоприменителя понимание оценочной по своей сути категории «уважительные причины» и ограничивает возможность ее произвольной трактовки [5].

В целом, оценивая институт обвинения Российской Федерации и Республики Беларусь, необходимо отметить, что в обеих странах уголовное судопроизводство построено по лекалам континентального подхода, что предполагает место обвинения на досудебном производстве. И здесь одним из наиболее существенных и устоявшихся нововведений советского периода была организация двухэлементного обвинения, когда обвинение предъявляется следователем (так называемое следственное обвинение) и в рамках подинститута обвинения государственного, когда последнее выдвигается прокурором на основе обвинения следственного. Такая форма организации обвинения существовала и в действующем на момент распада Советского Союза Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 года и затем была воспринята рядом стран бывшего СССР при формировании своей национальной модели уголовного процесса.

Белорусский законодатель, отказавшись, в отличие от ряда стран бывшего СССР, от имплементации западных моделей в этом (и не только) вопросе, предпочел сохранить букву советского уголовного процесса, пойдя на практически полное заимствование советского института обвинения в действующий уголовно-процессуальный закон. И в этом смысле подход белорусского законодателя в целом схож с подходом законодателя российского,

который, принимая в 2001 году действующий УПК РФ, предпочел также практически в неизменном виде позаимствовать советский институт привлечения в качестве обвиняемого. Единственное исключение – это, конечно, отказ от завершающего обвинения, что стало следствием низведения дознания до одного из этапов предварительного следствия.

Указанный факт, как представляется, свидетельствует, во-первых, об исторической преемственности в развитии уголовного процесса в обеих странах, а во-вторых, подчеркивает их ориентацию на самобытное развитие уголовно-процессуального законодательства в условиях качественно нового этапа своей истории. Это утверждение в большей степени соответствует уголовно-процессуальной модели Республики Беларусь, так как, в отличие от своего соседа, Российская Федерация в 2001 году в значительной мере восприняла ориентацию на западные стандарты правосудия. Тем не менее такое постоянство свидетельствует, что в основах обеих страны по-прежнему остаются приверженцами консервативных подходов, и даже Российская Федерация, в период разработки и принятия УПК РФ 2001 года много чего подглядевшая из-за океана, так и не пошла на реформирование института обвинения. Отталкиваясь от этого и других признаков, мы полагаем, что можно утверждать неосветский характер отечественного уголовного процесса, так как, несмотря на некоторое внедрение составительных начал и определенные технические новации, основа его осталась неизменной с советского периода.

В этом смысле, хотя, как правило, тип отечественного уголовного судопроизводства определяется как смешанный, мы придерживаемся иной точки зрения. По нашему мнению, современная уголовно-процессуальная модель нашей страны, начиная с УПК РСФСР 1922 года, никогда и не была смешанной, по крайней мере, применительно к той форме, в которой она реализована в так называемых развитых в правовом отношении странах континентальной правовой семьи. По всей видимости, те авторы, которые отстаивают смешанный тип уголовного процесса Российской Федерации опираются прежде всего на формально-догматический анализ уголовно-процессуального законодательства, казалось бы, вполне позволяющий прийти к такому выводу. Мы определяем тип отечественного уголовного судопроизводства как процесс розыскного типа с элементами состязательности, а если конкретнее, то, отталкиваясь от подхода А. В. Смирнова и К.

Б. Калиновского, как следственный процесс розыскного типа. В рамках подхода указанных авторов следственный процесс рассматривается как наиболее развитая и цивилизованная разновидность розыска, естественно, в его современном, а не архаичном варианте [6, С. 59].

Подведем итоги. Белорусский институт обвиняния во многом является калькой советского аналогичного института, что свидетельствует о консервативности белорусского законодателя, как, впрочем, и российского. Однако, в отличие от своего восточного соседа, Республика Беларусь отказалась от дознания как самостоятельной формы досудебного производства, предпочтя свести его к первоначальному этапу предварительного следствия, что повлекло и отказ от так называемого завершающего вида обвинения, присущего российскому дознанию, распространяв следственный порядок предъявления обвинения на все остальные формы досудебного производства.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-З. URL: https://belzakon.net/Кодексы/Уголовно-процессуальный_кодекс_РБ (дата обращения: 13.12.2023).
2. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н. И. Андрейчик [и др.]; под науч. ред. М. А. Шостака. Минск: Академия МВД, 2014. 1230.
3. Рожко О. В. Предварительное расследование: проблемы соотношения процессуальных форм // Актуальные проблемы юридической науки: материалы республиканской научно-практической конференции. Могилев, 18 мая 2012 года. Могилев: УО «МГУ имени А. А. Кулешова», 2012. С. 133.
4. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федераль-

ный закон от 25 декабря 2023 года № 672-ФЗ // Российская газета. 2023. 29 декабря. № 297.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/?ysclid=lgayv1cymn84516634 (дата обращения: 13.12.2023).

6. Калиновский К. Б. Основные виды уголовного судопроизводства: учебное пособие. Санкт-Петербург: Издательство юридического института, 2002.

References

1. Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus of July 16, 1999 no. 295-Z. URL: https://belzakon.net/Codes/Criminal_Procedure_Code_RB (accessed 13.12.2023). (In Russ.)
2. Scientific and practical commentary on the Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus / N. I. Andreychik [and others]; under scientific ed. by M. A. Shostak; educational institution "Acad. M-va ext. Affairs Rep. Belarus". Minsk: Acad. Ministry of Internal Affairs, 2014. 1230 p. (In Russ.)
3. Rozhko O. V. Preliminary investigation: problems of correlation of procedural forms. Current problems of legal science: materials of the rep. scientific-practical Conf., Mogilev, May 18, 2012. Mogilev: MSU named after A. A. Kuleshov Publ., 2012. (In Russ.)
4. On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: federal law no. 672-FZ of December 25, 2023. *Rossiyskaya Gazeta*, 2023. December 29, no. 297. (In Russ.)
5. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 no. 174-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/?ysclid=lgayv1cymn84516634 (accessed 13.12.2023). (In Russ.)
6. Kalinovskiy K. B. Main types of criminal proceedings: textbook. St. Petersburg: The Legal Institute Publ., 2002. (In Russ.)

Информация об авторе

Лапатников М. В. — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России.

Information about the author

Lapatnikov M. V. — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Criminal Procedure Department Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.